

воинственный, но зачем же „стулья ломать?..“ А г. Гурко их „ломает“. Да еще как!..

Вот какой спасительный рецепт предлагает он России за счет Кавказства, говоря о Кубани.

— Установить прочные, нормальные отношения к Кубани и ее Правительству можно было двумя способами — либо насильственным подавлением кубанского сепаратизма (какой же силой он бы его подавил? Купечко, помещику г. Гурко, кубанский сепаратизм должен был бы быть подавлен самими же кубанцами.. В. Е.) в завладении всей полнотой власти в Крае, либо, наоборот, полным невмешательством в дела местного гражданского управления и хотя бы временным (на время, так сказать, — до лучших времен.. В. Е.), но безоговорочным признанием ее политической самостоятельности (один способ умный, а другой еще умнее!.. В. Е.).

Ну, а здесь что?..

— Здесь, коротко сказать, — Кавказство — как „вековой русский козел отпущения“ — с точки зрения московского сивого мерина..

Последнее мнение. Мнение самого Кавказства о самом себе. Оно без всяких „но“... Ясное и понятное. И самому себе и всему миру.

— Всяк своему счастью кузнец!..

Не отрекаясь от своей собственной казачьей народности, а, наоборот, гордясь и дорожа ей, как присущим нам историческим правом, открыто и смело идти к общей всем нам, казакам Высокой цели, достойно Ей служить и, если нужно, за Нее умирать, сознавая, что служим и умираем ради нашего собственного (а не чужого нам!) счастья и благополучия..

Санжа Балыков.

К годовщине кончины Юрия Федоровича Гончарова.

Ровно год тому назад, в одну из суббот, покидая редакцию до понедельника, Юрий Федорович, продолжая наш разговор говорил мне:

— Если хотите знать, кто писал настоящим народным русским языком, то прочтите протопопа Аввакума, только он знал и писал народным языком, а ваш Ремизов, извините, только, кривляка в сравнении с ним.

Уязвленный за своего любимца Ремизова, я отыскал в воскресенье в калмыцкой библиотеке книгу Кизеветтера о протопопе Аввакуме, где нашел несколько выдержек из сочинений Аввакума, и в понедельник ехал в редакцию, чтобы посперить с Юрием Федоровичем. Я готовился сказать ему, что если Аввакум и писал народным языком, то, конечно, языком народа того, — двадцатого века, в котором он жил, и что его язык не может в наше время считаться народным, так как и язык народа видоизменяется из века в век, и т. д.

Каково же было мое огорчение, когда, придя, я узнал,

что Гончаров, в ночь на понедельник, умер. Жаль, искренне было жаль его, молодого, талантливого, чуткого и приветливого ко всем. Я не был с ним особенно близок, недавно были знакомы, но все было за то, что мы скоро и прочно сблизимся, ибо я его искренно уважал. Особенно было жаль за то, что он умер в начале весны, когда наступала теплая погода, после суровой зимы, в течении которой Юрию Федоровичу пришлось много, много раз дрожать и жаться в чужом старом пальто, после холодного обеда слиновым повидлом и хлебом..

Светлый образ юноши Гончарова, видимо, живет не только в моей памяти. 22 марта, правление общеказачьей студенческой станицы в Праге отслужило панихиду по Гончарове. Приятно было побывать на могиле Юрия Федоровича и помолиться за упокой его души, души столь горячо любившей Кавказство.

Хорошее перевоплощение душе твоей, Юрий Федорович.

Думы и мысли.

С. Савицкий. (Бразилія).

* * *

Як грім гриміла наша слава
Про запорожців козаків.
Вона й сьогодні не пропала
І далі підс в гліб віків...

Нащадки лицарів в неволі...
І Січ Нова, мов не жива...
Ночами чути, як у полі
Кричить, сумуючи, сова.

Нависла хмара над степами...
Рудою скроплена трава...
Кубань, засіяна кістками,
Душою й тілом умліва.

Наїздник лютий „рай“ будує,
З ножем кровавим у руці.
Вином козачу кров смакує,
А труп ховає у ріці;

Або спбакам кине в полі
(Не вільно й тіла закопати!..)
А сам кричить: „Діждались волі!“
„Солодко з нами раювати“...

Хай серце наше зкам'яніє,
Хай сльози висохнуть в очах.
Хай слово наше заніміє,
Хай будемо ми... пекельний жах!

Як будем йти у бій за волю,
В стелу душиги павуків,
Що напоїли нас рудою, —
Підемо — зграєю вовків...

З заходу вітер позиває...
Шумить притоптана трава.
Козацтво слухає.. палає...
Хай тільки блисне булава!..

Ив. Томаревский. (Болгария).

КАЗАКУ.

Помни, казак, свои были —
Жизнь своих дедов-отцов,
Как они волю любили,
Как за нее не щадили
Сил и казачьих голов.

Помни и к цели стремися
Всею казачьей душой —
С волею только мирися,
С злою неправдой борися,
Будь ты самим лишь собой.

Пусть твой завет — одна воля —
Будет всегда на пути,
Не чья либо злая неволя, —
Казачья лучшая доля
На милой родимой степи!